

1927h

100

111 551 111 111

Русск. вост. 1904, VIII

19276.

„Капище Мамоны“.

«И изъ дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имѣють земные скорпионы... У ней были хвосты, какъ у скорпионовъ, а въ хвостахъ ея были тѣла; власть же ея была—вредить людямъ».

Откровение Св. Иоанна.

I.

Въ своемъ „Путешествіи по Франціи“ Юнгъ доказываетъ, что „американская революція была крайне выгодна для всего міра, въ особенности же, для самой Англій“ *). Высказано это было нѣсколько лѣтъ послѣ отдѣленія Соединенныхъ Штатовъ и многимъ показалось парадоксомъ. Рейваль, напр., выражаетъ сожалѣніе, что несообразности высказываетъ „такой умный и добросовѣстный путешественникъ“. Въ самомъ дѣлѣ, по всѣмъ законамъ меркантилизма выходило, что отпаденіе тринадцати колоній должно погубить Англійю. До войны за независимость, какъ это доказываетъ Адамъ Смитъ,—англійскіе промышленники предвидѣли полное разореніе. Когда независимость Соединенныхъ Штатовъ была признана, Франціи казалось, что теперь она одержала промышленную побѣду надъ экономической соперницей. Адамъ Смитъ доказываетъ нѣсколько пространно, что Англійя пожертвовала европейскими рынками для колониальныхъ. Парижскій трактатъ разрушилъ монополію Англійи. И страна не только не пострадала отъ этого, но, наоборотъ, сильно выиграла. „Міру представилось крайне замѣчательное зрѣлище; онъ увидаль единственный въ своемъ родѣ опытъ: нація лишилась тринадцати провинцій; но она выиграла *) отъ потери. Ея богатство, благоденствіе и сила возрасли“, — говоритъ авторъ цитированной книги.

Соединенные Штаты вольны были теперь покупать, гдѣ хо-

*) «Travels in France» (Miss Betham-Edvard's edition), p. 261.

**) Курсивъ принадлежитъ Юнгу.

K

тѣли, и производить, что хотѣли. Но республика, освободившаяся отъ политической зависимости Англии,—продолжала находиться въ экономической зависимости. Пятнадцать лѣтъ спустя, послѣ заключенія парижскаго трактата, торговля Англии съ Соединенными Штатами удвоилась. Политическое событіе, которое должно было вызвать экономическую гибель Англии,—усилило лишь ея богатства. Приведу нѣсколько цифръ.

Г о д ы.	Вывозъ изъ Англии въ Соед. Шт.	Ввозъ въ Англию изъ Соед. Шт.
1771— 73	3.064,843 ф. ст.	1.322,532
1790— 92	3.976,211 „ „	1.141,337
1798—1800	6.507,478 „ „	1.986,528 *)

Англія потеряла подданныхъ, но получила потребителей. Энергія страны была теперь направлена вся на развитіе промышленности. Англія широко воспользовалась подходящимъ моментомъ, когда ея соперница была занята революціей. Страна сдѣлала огромный шагъ впередъ и на нѣсколько десятилѣтій оставила далеко позади всѣхъ экономическихъ конкурентовъ.

Но вотъ Англія вступила въ новый фазисъ развитія, о которомъ мнѣ приходилось говорить уже нѣсколько разъ. Промышленные конкуренты явились всюду тамъ, гдѣ Англія властвовала одна. Англійскіе промышленники снова предвидятъ разореніе, какъ во времена Адама Смита; но теперь положеніе дѣль сложнѣе. Англійская промышленность сильно отстала; на фабрикахъ—старыя машины, давно уже оставленные на континентѣ въ силу устарѣлыхъ методовъ, фабриканты работаютъ въ убытокъ, когда ихъ промышленные конкуренты въ состояніи захватывать рынки. Я нѣсколько разъ пытался доказать, что англійская промышленность *не можетъ* занять прежняго мѣста, даже если страна выстроитъ политехническіе институты и введетъ таможенные кордоны вокругъ имперіи (что предлагаетъ империализмъ). Въ Англии „возсталъ новый фараонъ“. Страна въ силу цѣлаго ряда причинъ вступила въ фазисъ чрезмѣрнаго развитія биржевого капитала. Является болѣе выгоднымъ помѣщать деньги не въ фабрикахъ и заводахъ въ Англии, а въ иностранныхъ предпріятіяхъ и въ колоніяхъ. Въ иностранныхъ предпріятіяхъ потому, что молодыя и умирающія страны, куда идутъ англійскіе капиталы, легко поддаются всецѣло подъ контроль капиталистовъ; въ колоніи же потому, что такъ возможно эксплуатировать мѣстныя богатства (золото, алмазы, драгоцѣнныя породы деревъ, смолы и пр.) при помощи мѣстнаго, дешеваго и, собственно говоря, *подневольнаго* труда. Я пытался уже доказать, что хотя и представители растущаго биржевого капитала, и пред-

19276 43716

*) *Brougham, Colonial Policy, v. I, p. 263.*

ставители падающей промышленности вмѣстѣ участвуютъ въ такъ называемомъ империалистскомъ движеніи, но въ дѣйствительности они враждебны другъ другу.

Итакъ, вершителемъ судебъ современной Англiи является биржевой капиталъ. Жизненная сила страны пролетаріата, какъ я пытаюсь показать въ статьѣ „Два промышленныхъ міра“, не вступаетъ въ борьбу съ новой силой, а идетъ въ сторону наименьшаго сопротивленія; онъ или проявляетъ стремленіе переселиться въ колоніи, которыя превращаются въ промышленные центры, или же поступаетъ на службу къ нему. Биржевому капиталу требуется громадная армія для защиты своихъ интересовъ въ различныхъ концахъ міра. Конскрипцію Англiя не введетъ, а предпочтетъ платить солдатамъ столько, сколько они получаютъ на фабрикахъ (и теперь нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ въ Южной Африкѣ получаютъ по 5 ш. въ день). Та часть пролетаріата, которая не переселится въ колоніи, гдѣ возрождается новая Англiя,—войдетъ, между прочимъ, въ составъ громадной арміи, которая нужна биржевому капиталу теперь. Въ этомъ письмѣ я хочу поговорить о лондонскомъ капищѣ мамоны, о штабъ-квартирѣ денежнаго капитала, откуда онъ владеетъ половиной міра. Закопченное лондонскими туманами капище стоитъ въ сердцѣ Сити, между англійскимъ банкомъ и дворцомъ лорда-мэра. Близъ національнаго капища въ древнемъ мірѣ стояли сотни храмовъ, въ которыхъ дѣйствовали жрецы, подвластные главному храму. Близъ капища мамоны лежатъ сотни банковъ, англійскихъ, канадскихъ, австралійскихъ, индійскихъ и другихъ. Капище мамоны охраняется бронзовымъ Веллингтономъ. Онъ является символомъ того, что биржа всегда имѣетъ наготовѣ армію, которая пойдетъ отстаивать ея интересы куда угодно: въ Южную Африку, въ Китай, въ Египетъ,—словомъ, всюду, гдѣ англійскіе капиталы подвергаются какой нибудь опасности. Бронзовый Веллингтонъ охраняетъ, собственно говоря, двѣ биржи: товарную (Royal Exchange) и фондовую (Stock Exchange). Въ этомъ письмѣ я буду говорить только о фондовой биржѣ, потому что она, собственно, является капищемъ того божества, которое опредѣляетъ теперь характеръ страны. Это капище имѣетъ уже восторженныхъ историковъ, я говорю о только что вышедшемъ увѣсистомъ томѣ Чарльза Дюгинда „The Story of the Stock Exchange“ (Исторія лондонской фондовой биржи). Въ капищѣ есть верховные жрецы, заправляющіе судьбами не одной страны. Эти верховные жрецы—цари денежнаго капитала, финансисты съ широкимъ размахомъ Сесия Родса, Барна Барнато, Альбу, Ротшильда и др. Верховные жрецы дѣйствуютъ черезъ посредство многочисленной, крѣпко сплоченной касты протыхъ жрецовъ—brokers (маклеровъ) и торговцевъ (jobbers). Это ихъ официальное названіе. Техническія клички (bulls, bears,

stags) опредѣляютъ родъ занятій каждаго простаго жреца. Капище имѣетъ свою длинную исторію. Оно долго занимало второстепенное мѣсто въ странѣ (я говорю *только* о фондовой биржѣ; товарная имѣла ужъ значеніе въ XV вѣкѣ) и лишь терпѣлась, какъ печальное, но неизбѣжное зло. Лишь тогда, когда стала въ Англіи меркнуть слава промышленнаго капитала, міровое значеніе капища вполнѣ опредѣлилось. Верховные жрецы его уже давно пользуются почетомъ, хотя прежде не были вершителями судебъ многихъ странъ; но простые жрецы вплоть до послѣдняго времени пользовались очень нелестной репутаціей. Лишь теперь, во время послѣдней войны („ихъ собственной войны“) эти жрецы стали образцами „настоящихъ“ патріотовъ; они кладутъ теперь въ Лондонѣ клеймо на то, что есть истинный патріотизмъ и что есть „измѣна“. Прежде слово „broker“ было немногимъ болѣе почетно, чѣмъ равнозначущее слово „маклеръ“ у насъ. Теперь и эти второстепенные жрецы властно выступили впередъ. Они знаютъ, что капище, въ которомъ служатъ, теперь владычествуетъ судьбами міра. Я не думаю дать исторію биржи. Цѣль моя гораздо скромнѣе: бѣгло очертить наиболѣе выдающіеся моменты фондовой биржи и дать нѣкоторое представленіе о „кастахъ жрецовъ“. Предъ нами пройдутъ цари биржи, которые рѣдко выступаютъ изъ таинственнаго мрака, затѣмъ тѣ многочисленные жрецы, которые постоянно на виду. Въ концѣ XVI вѣка во всемъ Лондонѣ было всего лишь тридцать маклеровъ. Теперь имъ нѣтъ числа. Однихъ лишь членовъ stock Exchange болѣе пяти тысячъ. Тридцать маклеровъ находились въ вѣдѣніи лорда мэра и альдерменовъ, зависимость продолжалась до конца семидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Биржевые маклеры долго и упорно боролись, чтобы сбросить „ярмо лорда-мэра“, какъ они говорили, и, наконецъ, добились свободы.

Настоящіе биржевые маклеры появились вмѣстѣ съ колоніями и государственнымъ долгомъ въ концѣ XVII вѣка. У публики накопилось много денегъ, которыхъ негдѣ было помѣстить. Правительство же нуждалось въ деньгахъ и въ первый разъ прибѣгло къ правильному внутреннему займу. Въ январѣ 1693 г. прошелъ въ третьемъ чтеніи билль о государственномъ займѣ. Государство выпустило бумаги отверженнаго долга. Свободные капиталы нашли примѣненіе, а для биржевыхъ маклеровъ явилось широкое поле для спекуляцій. Вмѣстѣ съ первымъ займомъ появился англійскій банкъ. Черезъ пятнадцать лѣтъ, при королевѣ Аннѣ, заключенъ былъ второй государственный заемъ. Національный долгъ достигъ пяти милліоновъ ф. ст.; а къ 1717 г. отверженный долгъ равнялся уже 43½ м. ф. ст. Теперь онъ равенъ 700 мил. ф. ст. И до того короли и правительство занимали деньги. При королевѣ Елизаветѣ, напр., Сити снабдило правительство деньгами; но Вильгельмъ III первый ввелъ фондиро-

ванный національный долгъ, по которому правильно уплачиваются проценты. Бумаги государственнаго долга первое время колебались очень сильно. Нѣсколько разъ казалось, что государство обанкротится, но трудное положеніе государства являлось временемъ богатой жатвы для биржи, тѣмъ болѣе, что Вильгельмъ III заключалъ займы не только подъ консоли. Онъ выпускалъ лотереи пожизненныя ренты и т. п. Въ особенности, широкимъ полемъ для спекуляцій явились, такъ называемыя, тонтинны. Этотъ способъ займа придуманъ неаполитанскимъ банкиромъ Лоренцо Тонти. Всякій, подписавшійся на „тонтину“, получалъ отъ государства пожизненную ренту. Когда онъ умиралъ, рента распределялась между другими владѣльцами тонтинъ. Съ теченіемъ времени, конечно, оставшіеся въ живыхъ получали все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ умирали остальные владѣльцы тонтинъ. Пережившій всѣхъ получалъ громадную ренту. Со смертью его обязательства правительства прекращались. Можно себѣ представить, какимъ источникомъ спекуляцій являлись тонтинны, непрочныя, какъ сама жизнь!

Другимъ источникомъ, содѣйствовавшимъ развитію биржи, были колоніи, а именно—акціи индійской и гудзоновой компаній. Какъ и всюду, явились финансовыя геніи, опередившіе свою эпоху. Кончали они неудачно. Такъ, напр., журналъ „*Flying Post*“ за 1695 г. такъ описываетъ злосчастье двухъ финансовыхъ геніевъ, опередившихъ эпоху. „Появились два биржевыхъ маклера, которые предлагали какое угодно число гиней, не болѣе тысячи однако, по 27 шиллинговъ за каждую. Это не мало содѣйствовало пониженію цѣнъ. Но одинъ купецъ, поймавъ маклера на словѣ, попросилъ его показать продаваемыя гиней. Биржевой маклеръ могъ представить лишь двѣ гиней, что явилось нагляднымъ доказательствомъ дурнаго замысла маклеровъ. Ихъ побили палками на биржѣ и выгнали на улицу, гдѣ толпа тоже изрядно помяла ихъ. Но урокъ этотъ не остановилъ другихъ. Явились еще биржевыя маклеры, которые предлагали гиней уже не по 27 ш., а на шиллингъ дешевле. Но и этихъ выгнали кулаками. Толпа схватила маклеровъ въ тавернѣ, куда они думали спрятаться, и потащила къ лорду мэру, когда же не застала его дома, то расправилась своимъ судомъ. Жадность биржевыхъ маклеровъ остудили тѣмъ, что поставили ихъ подъ помпу. Послѣ этого пошатнувшіяся были цѣны на гиней—вновь установились“. Какъ видите, финансовыя геніи, угодившіе подъ помпу, предвосхитили лишь идею „сдѣлокъ на разность“, широко практикующихся теперь. Какъ извѣстно, при такихъ операціяхъ, какъ покупающіе, такъ и продающіе могутъ не имѣть ни денегъ, ни покупаемыхъ бумагъ. Обѣ стороны рассчитываютъ пріобрѣсть и деньги, и бумаги до условленнаго срока исполненія договора. Другіе финансовыя геніи въ 1694 г. придумали срочныя сдѣлки, любимыя операціи

спекулянтовъ. Въ силу *срочной сдѣлки* покупатель обязуется заплатить за покупку (т. е. за акціи или консоли) къ извѣстному сроку, хотя не думаетъ заплатить и не желаетъ также получить бумаги, которыя долженъ къ сроку доставить продавецъ. Если бумаги упали къ сроку („дню ликвидаціи“, *settling day*), покупатель платитъ продавцу разницу; если же поднялись,—то получаетъ разницу отъ продавца.

Долго купцы никакъ не могли помириться съ освященнымъ теперь временемъ биржевымъ приѣмомъ для повышенія или пониженія бумагъ къ дню ликвидаціи,—съ пусканіемъ въ ходъ ложныхъ извѣстій. И теперь искусственно создается паника или чрезмѣрное оживленіе биржи, не смотря на то, что телеграфная проволока охватываетъ весь земной шаръ и провѣрка слуха является дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Можно представить, какъ легко было фабриковать ложное извѣстіе два вѣка тому назадъ... Въ концѣ концовъ, купцы потребовали изгнанія биржевыхъ маклеровъ изъ зданія биржи. То былъ „великій исходъ“, знаменательный въ исторіи биржи. Изгнанные маклеры въ 1698 г. нашли убѣжище въ Exchange Alley рядомъ съ „потеряннымъ раемъ“ и уничтоженное потомъ во время большого пожара.

II.

Печать быстро поняла, какая страшная, черная сила поднимается противъ общества. Объ этомъ свидѣтельствуется цѣлый рядъ памфлетовъ, составлявшихъ любимую форму, къ которой прибѣгали тогда журналисты.

Въ 1701 г. появляется памфлетъ „Раскрытіе подлостей биржевиковъ“ (*The Villainy of Stock Jobbers Detected*). Самый рѣзкій памфлетъ, обличавшій биржу, появился въ 1719 г. Названіе его нѣсколько длинно: „Анатомія биржи, или система биржевого надувательства. Доказательство, что биржевые спекуляціи являются въ сущности воровствомъ, и мошенничествомъ, и что они составляютъ измѣну общественнымъ интересамъ“. Этотъ жгучій и блестящій по формѣ памфлетъ читается съ захватывающимъ интересомъ еще и теперь. Авторъ его — Даніэль Дефо. Позже нѣсколько противъ биржи ополчился Свифтъ. Къ этому времени относится зарожденіе терминовъ *Bull* (быкъ, биржевой маклеръ, играющій на пониженіе) и *Bear* (медвѣдь, маклеръ, играющій на повышеніе) для обозначенія лицъ, роль которыхъ на биржѣ растетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ. „Названіе *медвѣдь* должно намекать на охотника, который продаетъ уже шкуру, прежде, чѣмъ изловилъ звѣря. *Медвѣдь* на биржѣ, какъ этотъ охотникъ, продаетъ то, чего не имѣетъ“,—такъ опредѣляетъ терминъ Гросъ, авторъ „Классическаго словаря разговорнаго языка“ (1788 г.).

Силу и мировое значеніе биржи опредѣлили иностранные займы. Есть нѣкоторое различіе въ реализированіи иностранныхъ займовъ на биржахъ парижской и лондонской. Во Франціи много мелкихъ рантье, которые готовы помѣстить свои капиталы всюду, гдѣ обезпеченъ хорошій процентъ и гдѣ есть полная гарантія, что капиталы не пропадутъ. Въ силу этого мелкіе рантье охотно подписываются на русскія бумаги и совершенно не желаютъ помѣщать капиталовъ во французскихъ колоніяхъ. Альфредъ Неймаркъ вычисляетъ капиталы такихъ французскихъ рантье въ 80 милліардовъ франковъ *). Изъ нихъ 60 милліардовъ помѣщено во французскихъ государственныхъ бумагахъ, а 20 милліардовъ — въ иностранныхъ. Изъ 60 милліардовъ всего лишь 1 милліардъ 550 мил. помѣщены въ Алжирѣ, Тунисѣ, Индо-Китаѣ, Мадагаскарѣ и пр. **). „Въ Алжиръ не переселяются наши колонисты. Тѣ же, которые переселились, не имѣютъ денегъ. Метрополія боится помѣщать свои капиталы въ колоніяхъ. Она крайне подозрительна“. „Рантье охотнѣе отправляютъ свои капиталы въ Россію“ ***). „Французскій рантье крайне остороженъ и подозрителенъ. Онъ больше всего боится риска. До Африки такъ далеко, до Азіи—еще дальше“ ****). Англія — страна крупныхъ капиталистовъ. На сколько мелкій французскій рантье остороженъ, на столько англійскій капиталистъ смѣлъ и рѣшителенъ; но за то онъ не удовлетворяется маленькимъ процентомъ, какъ французскій рантье. Онъ снабжаетъ своими капиталами умирающія и молодыя государства. Тутъ большая выгода, но и большой рискъ. Въ силу этого, англійскій капиталистъ желаетъ захватить въ свои руки контроль надъ должникомъ. Такія страны становятся „карманными государствами“ Англій, т. е. англійской биржи. Иностранный заемъ, совершенный въ Лондонѣ, покрывается не мелкими рантье, какъ во Франціи, а нѣсколькими крупными домами, царями биржи. Первый иностранный заемъ на лондонской биржѣ заключенъ былъ въ 1706 г. Австрійскій императоръ занялъ 500 тысячъ ф. ст., по 8%, подъ обезпеченіе доходовъ съ Силезіи, на срокъ въ восемь лѣтъ. Въ настоящее время сумма иностранныхъ займовъ, заключенныхъ на лондонской биржѣ, достигаетъ тридцати милліардовъ рублей. Это—золотая сѣть, накинутая биржей на нѣсколько государствъ. Она держитъ вѣрнѣе, чѣмъ та стальная кольчуга, которой Вулканъ накрылъ свою невѣрную жену. Съ перваго момента существованія биржи политическія извѣстія стали барометромъ колебанія цѣнъ. Такъ, одна изъ первыхъ паникъ была вызвана ложнымъ извѣстіемъ о смерти королевы Анны, пущеннымъ знаменитымъ тогда

*) Une nouvelle évaluation des valeurs mobilières en France. 1897, p. 48.

***) L. Vignon, L'exploitation de notre empire colonial, 1900, p. 13.

****) L. Vignon, p. p. 16—17.

*****) Ib. p. 24.

банкиромъ Лопецомъ. Въ наше время телеграфныя агентства часто становятся орудіемъ въ рукахъ биржи. Въ XVIII в. извѣстія доставлялись черезъ банкировъ, имѣвшихъ своихъ корреспондентовъ. Первымъ такимъ агентомъ былъ сэръ Генри Фэрнезъ, который имѣлъ даже спеціальныя патенты отъ короля. Фэрнезъ нажилъ громадное состояніе тѣмъ, что пользовался получаемыми извѣстіями для игры на биржѣ. Когда получались благопріятныя извѣстія, онъ отправлялъ своихъ агентовъ на биржу и приказывалъ имъ смотрѣть возможно болѣе мрачно. Публика спѣшила тогда продавать свои бумаги, страшась краха. Но кое-кто вскорѣ понялъ хитрость, и чѣмъ болѣе у агентовъ Фэрнеза была похоронная фізіономія, тѣмъ усиленнѣе покупались бумаги.

Во время войны за испанское наслѣдство государственный долгъ съ 3¹/₂ мил. ф. ст. возросъ до 54 мил. ф. ст. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ національнаго долга росло значеніе биржи, росли также и обличенія со стороны печати. Противъ биржи выступали всѣ знаменитые писатели того времени: Поупъ, Стиль, Аддисонъ и Свифтъ. „Биржа стала мишенью злословія,—говорить аполгетъ ея,—безсчисленныхъ оскорбленій и поношеній. Ее бичевали, ругали. Не было такого сильнаго выраженія, которымъ не воспользовались бы писатели противъ биржи“ *). Автору кажется, что на биржу взвели напраслину. Читатель пойметъ причину „оскорбленій и поношеній“, если вспомнить первый и самый серьезный биржевой крахъ въ 1720 г., такъ называемый, лопнувшій мыльный пузырь южныхъ морей. Къ тому времени опредѣлились двѣ компаніи, боровшіяся на биржѣ: индійская и „общество Южныхъ морей“. Обѣ компаніи поняли, что для господства на финансовомъ рынкѣ необходима и политическая власть. Въ силу этого онѣ бросились добывать ее тѣмъ примитивнымъ путемъ, который до сихъ поръ еще широко практикуется на континентѣ: подкупомъ и взятками. Компаніи покупали и продавали избирательные округа. Мѣста въ парламентѣ котировались на биржѣ, какъ лотерейные билеты. Индійская компанія возникла въ началѣ XVII в. Компанія Южныхъ морей—на 100 лѣтъ позже, именно, въ 1710 г. Она выпустила акцій на 10 мил. ф. ст. Въ первое время дѣятельность компаніи была скромная; но въ 1720 г. общество получило монополію вести торговлю въ южныхъ моряхъ. Операциі компаніи были различны: снабжать рабами Южную Америку, эксплуатировать неизвѣстныя земли, которыя могутъ быть открыты въ южныхъ моряхъ, выкупъ нѣкоторыхъ займовъ и пр. Началась лихорадочная спекуляція. Компанія пустила въ ходъ много ложныхъ слуховъ. Она утверждала, что Перу станетъ англійскою колоніей, такъ какъ Испанія вымѣняетъ ее на Гибралтаръ. Тогда же было придумано положеніе, оформленное лишь въ послѣднее время,

* The Story of the Stock Exchange, p. 33.

что „торговля слѣдуетъ за флагомъ“, т. е. увеличивается съ захватомъ новыхъ территорій. Капиталь компаніи сразу повысился до $32\frac{1}{2}$ мил. фун. ст. Въ 1714 г. акціи компаніи стоили отъ 1— $1\frac{1}{2}$ ф. ст., въ апрѣлѣ 1720 г.—325 ф. ст. Манія спекуляціи охватила англійское общество. Первая эпидемія росла, какъ чума. Пятнадцатаго мая 1720 г. акціи стоили 500 ф. ст., 21 мая—600, 23 мая—650, еще черезъ два дня—710 ф. ст. Второго іюня—890. Третьяго іюня онѣ упали до 640 ф. ст.; но на слѣдующій день опять поднялись скачкомъ до 770. Второго августа акціи стоили 1000, седьмого—1100, девятого—1200. Затѣмъ пузырь лопнулъ. Второго сентября акціи упали до 700. Началась страшная паника. Современникъ, описывая событіе, начинаетъ стихомъ изъ книги „Исхода“: „И былъ великій вопль въ Египтѣ; потому что не было дома, гдѣ не было мертвеца“. Дѣйствительно, „отъ фараона, сидящаго на тронѣ“ до „узника, который въ темницѣ“,—всѣ съ лихорадочнымъ, захватывающимъ вниманіемъ слѣдили за скачками акцій, за быстрыми обогащеніями въ одинъ день, въ одинъ часъ. Паника была тѣмъ сильнѣе, что само государство подвергалось сильной опасности: англійскій банкъ авансировалъ большія суммы компаніи подъ обезпеченіе бумагъ ея. Эти же бумаги, которыя въ 1719 г. шли альпари, и въ августѣ 1720 г. стоили 1200, въ октябрѣ того же года стоили лишь 86. Тысячи семействъ были разорены. Богатые люди стали нищими. Послѣдовалъ рядъ самоубійствъ и сумасшествій. Картину мы находимъ въ памфлетѣ того времени „Зеркало помѣшательства Англии на мыльныхъ пузыряхъ“. На фантастической почвѣ, породившей „мыльный пузырь Южныхъ морей“, возникъ въ томъ же году цѣлый рядъ компаній, одна причудливѣе другой. Онѣ всѣ лопнули вмѣстѣ съ главнымъ мыльнымъ пузыремъ. Свифтъ описываетъ эпидемію изобрѣтателей. Одинъ изъ нихъ пытался извлечь солнечные лучи изъ огурцовъ, чтобы закупорить теплоту въ бутылки и продавать огородникамъ въ холодное лѣто. Другой изобрѣтатель пробовалъ обжигать ледъ, чтобы превращать его въ порошокъ, и писалъ трактатъ о ковкости огня. Далѣе—изобрѣтатели предлагаютъ устроить компанію для смягченія мрамора и превращенія его въ подушки, и т. д. Свифтъ имѣлъ въ виду компаніи, образовавшіяся на биржѣ во время большой „южно-морской“ эпидеміи. Въ числѣ „лопнувшихъ пузырей“ были компаніи: для извлечения серебра изъ свинца, для распространенія нѣкоего талисмана, радикально излѣчивающаго подагру и каменную болѣзнь, для извлечения коровьяго масла изъ древесины бука, для эксплуатаціи летучаго корабля, для эксплуатаціи вѣчнаго движенія, для страхованія браковъ отъ разводовъ, для охлажденія мозга при помощи особыхъ насосовъ, для приготовленія кубическихъ пуль и ядеръ. Возникла компанія съ капиталомъ въ милліонъ, предвосхитившая идею Тартарена: она

проектировала устроить портъ Тарасконъ на отдаленномъ островѣ. Публика подписывалась на все. Одинъ предприимчивый человекъ объявилъ подписку на акціи „очень выгоднаго предпріятія, но сущность котораго нельзя сказать никому“. Подписка началась на биржѣ въ 12 ч., а въ 3 ч. достигла ужъ 3000 ф. ст. Вслѣдствіе участія „компаніи Южныхъ морей“, министръ финансовъ вышелъ въ отставку, а многіе коммонеры были изгнаны изъ парламента.

III.

Эпоха наполеоновскихъ войнъ была страшнымъ несчастьемъ для промышленной Англій, но богатой жатвой для биржи. „Никогда такъ блестяще не шли дѣла,—говоритъ Дююиндъ,—какъ въ пятилѣтіе, закончившееся памятнымъ 1815 г. Одинъ лишь національный долгъ увеличился за пять лѣтъ на 120 мил. ф. ст.“ *) Биржа спѣшила воспользоваться каждымъ событіемъ, какъ хорошимъ урожаемъ. Смерть Наполеона возвѣщалась безконечное число разъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ государственныя трехпроцентныя бумаги колебались отъ 54—73. Иногда въ одинъ часъ цѣнность бумагъ падала на восемь фунтовъ. Вотъ обычная сцена, происходившая тогда на биржѣ. Она заимствована изъ современной газеты. „Двери биржи открылись; трещотка, возвѣщающая открытіе дѣятельности, дѣйствуетъ на всѣхъ, какъ стаканъ добраго вина. Консоли стоятъ 69, 69¹/₈. Последняя цифра представляетъ требованіе продавцевъ. Пускаются въ ходъ всевозможные приемы, чтобы заставить правительственнаго агента приобрѣсти консоли по наиболѣе высокой цѣнѣ. Въ двѣнадцать часовъ биржевой маклеръ, уполномоченный правительствомъ, поднимается на эстраду. „Господа,—возглашаетъ онъ,—я покупаю для правительства на 60 тысячъ ф. ст. консолей, предлагаю по 69“. „Прибавьте ¹/₈,—говорятъ биржевые маклеры,—тогда вы приобрѣтете у меня на 10 тысячъ“, „а у меня на пять“, „а у меня на двѣ“.

— Я вамъ продамъ на всѣ 60 тысячъ по 69, — предлагаетъ одинъ. Въ десять минутъ сдѣлка кончена. Остальные биржевики разъярены тѣмъ, что заработокъ ушелъ отъ нихъ, и набрасываются на того, кто предложилъ по 69. Его бьютъ, плюютъ ему въ лицо, хватаютъ за шиворотъ, срываютъ парикъ и забрасываютъ его на карнизъ. Агентъ стоитъ съ голымъ черепомъ, покуда сторожъ приноситъ лѣстницу и лѣзетъ за парикомъ“.

Въ концѣ января 1814 г. Наполеонъ, предупредивъ у Монмираля соединеніе русскаго корпуса Сакена съ прусскимъ корпусомъ Іорка, нанесъ первому изъ нихъ чувствительное пораженіе, послѣ котораго Сакенъ отступилъ на Шато-Тьерри, потерявъ

*) The Story of the Stock Exchange, p. 107.

2800 ч. и 13 орудій. Это событіе сильно отозвалось на биржѣ: консоли упали до $27\frac{1}{2}$; но вдругъ настроеніе биржи сразу измѣнилось. Въ Лондонѣ получило частное извѣстіе, что союзники взяли Парижъ, и что Наполеонъ убитъ. Извѣстіе было получено такъ. Ямщики сообщили, что привезли въ Лондонъ французскаго офицера, ѣхавшаго всю ночь изъ Дувра. Въ Дуврѣ видѣли, что великолѣпный мундиръ французскаго офицера весь мокрый послѣ переправы черезъ бурный каналъ. Офицеръ сообщилъ, что онъ полковникъ Дюбургъ, адъютантъ лорда Каткарта. Адъютантъ не дѣлалъ секрета изъ своего путешествія, а всѣмъ говорилъ о смерти Наполеона. На каждой станціи онъ щедро раздавалъ ямщикамъ наполеондоры, предлагая выпить за союзниковъ. Въ великолѣпной каретѣ, украшенной лавровыми вѣнками, полковникъ проскакалъ по Лондону. Это видѣли всѣ. „Курьеръ привезъ извѣстіе о полной гибели арміи Наполеона“,—съ этой новостью открылась биржа. Оффиціальнаго подтвержденія не было, но консоли сразу съ $27\frac{1}{2}$ поднялись до 30. Къ двѣнадцати часамъ подтвержденія извѣстія все еще не было; но бумаги отвержденнаго государственнаго долга поднялись, тѣмъ не менѣе, до 33. На другой день выяснилось, что извѣстіе ложно. Великолѣпный полковникъ исчезъ безъ слѣда. Все оказалось устроеннымъ группою биржевиковъ, которые хотѣли продать по высокой цѣнѣ бумаги на 750,000 ф. ст. Консоли, конечно, сразу упали. „Радость, жадное ожиданіе крупныхъ барышей смѣнились на биржѣ разочарованіемъ, потомъ отчаяньемъ и бѣшенствомъ по поводу того, что такъ легко дались въ обманъ. Биржевики били кулаками въ стѣны, рвали волосы себѣ, скрипѣли зубами, такъ какъ многіе, желая сразу разбогатѣть, разорились совершенно. Всѣ желали мести“,—такъ описываютъ событіе современныя газеты. Вскорѣ открылось, кто были составившіе заговоръ. Къ суду привлекли Деберанжера, игравшаго полковника, и двухъ крупныхъ банкировъ, сэра Томаса Кокрэнна и Бута. Обвиненные приговорены къ штрафу и къ выставленію у позорнаго столба у дверей биржи. Послѣдняя часть наказанія не была, однако, приведена въ исполненіе, такъ какъ много сильныхъ людей заявили, что подсудимые употребили лишь военную хитрость. Сэръ Томасъ Кокрэнъ потомъ сильно пошелъ въ гору и умеръ пэромъ, графомъ Дандональдомъ. Когда Наполеонъ дѣйствительно палъ, на биржѣ это событіе почти не отразилось. Даже Ватерлоо вызвало не повышеніе бумагъ, а скорѣе пониженіе ихъ. Въ январѣ 1815 г. консоли стоили 66, въ юнѣ 54, къ концу года—60.

Послѣ 1815 г. особенно пошли на биржѣ иностранныя займы. Одинъ изъ нихъ въ особенности любопытенъ. Шотландскій авантюристъ Макъ Грегоръ поселился на Москитовомъ берегу въ Южной Америкѣ и сдѣлался тамъ капикомъ племени Поайе. Отъ имени своего народа онъ заключилъ заемъ на биржѣ на 200 тысячъ

ф. ст. Кадикъ краснорѣчиво говорилъ про красоты и естественныя богатства своей страны и собралъ большую партію эмигрантовъ. Особо снаряженный корабль повезъ ихъ въ новое Эльдorado, вмѣсто котораго нашли лишь нездоровое тропическое болото. Большая часть переселенцевъ умерла отъ желтой лихорадки. Немногіе возвратились на родину. Удивительнѣе всего то, что бумаги „займы Поайе“ появились вторично на биржѣ въ 1836 г. во время маніи на иностранныя займы.

Столѣтіе „мыльнаго пузыря Южныхъ морей“ ознаменовалось новымъ колоссальнымъ биржевымъ крахомъ. Новая сила—парь революціонизировала промышленность. Примѣненіе ея только что зарождалось; первыя сооруженія были неуклюжи; но лихорадочная фантазія биржи опередила событія. Десятки компаній зарождались ежедневно для эксплуатаціи новой силы и лопались. Валовой капиталъ возникавшихъ компаній равнялся 150 мил. ф. ст. При крахѣ общество потеряло тогда около 48 мил. ф. ст. Перечислю нѣкоторыя компаніи: „общество построенія желѣзной дороги отъ Дувра до Булони (т. е. черезъ проливъ), на мосту“, „общество для превращенія путемъ пара свинца въ золото“, „общество эксплуатаціи машины для пароваго доенія коровъ“ и т. д. Къ спекуляціямъ на паровыя машины прибавились спекуляціи на рудники, составляющія до сихъ поръ одну изъ главныхъ отраслей дѣятельности лондонской биржи. Эти спекуляціи вызвали уже не одну войну, не одно поголовное возстаніе туземцевъ (напр., въ странѣ Матабеловъ въ 1895 г., въ странѣ Ашантиевъ въ 1900 г. и т. д.). По всей вѣроятности, во всякомъ случаѣ, не меньше войнъ и возстаній предвидится въ будущемъ. Одно время спекуляціонная горячка превратилась въ настоящую манію. Площадь предъ биржей была запружена людьми, свершавшими сдѣлки, покупателями, и продавцами акцій. Чтобы пробраться въ зданіе биржи, нужно было подкупать всѣхъ тѣхъ, которые стояли на пути. Всюду въ толпѣ шныряли „джентельмены съ громадными записными книжками въ рукахъ, съ ястребиными глазами, съ фальшивыми алмазами въ булавахъ“, предлагая сдѣлки. Такъ шло до конца 1825 г., когда биржу охватила паника. Порой совершенно невозможно выяснитъ истинныя причины страшнаго оживленія биржи или, наоборотъ, паники. Явленія часто носятъ прямо патологическій характеръ. Крахъ 1825 г. страшно отозвался на финансахъ всей страны. Въ октябрѣ 1824 г. въ англійскомъ банкѣ было въ звонкой монетѣ и въ слиткахъ $11\frac{3}{4}$ мил. ф. ст. Въ февралѣ 1825 г. $8\frac{3}{4}$ мил., въ августѣ $3\frac{3}{4}$ мил. Въ декабрѣ цѣлый рядъ банковъ прекратилъ платежи; публика потребовала обратно вклады, и англійскій банкъ остался почти безъ денегъ. Всей странѣ грозило банкротство. Когда паника нѣсколько уменьшилась, въ англійскомъ банкѣ оставался лишь одинъ милліонъ.

До 1825 г. публика считала биржу только громаднымъ игор-

нымъ домогъ. Послѣ краха, страна поняла, что биржа тѣсно и неразрывно спаяна съ финансами всего государства. Въ силу этого, въ прессѣ стали появляться особый отдѣлъ, въ которомъ говорилось о цѣнахъ на биржѣ. До 1825 г. даже Times не упоминалъ о нихъ. Затѣмъ появляется ужь специальная газета, посвященная биржѣ (Financial News). Теперь цѣлый рядъ специальныхъ редакторовъ представляетъ крупную англійскую прессу на биржѣ. Это—настоящіе посланники отъ ея величества прессы къ его величеству Мамонѣ. Биржевой отдѣлъ въ англійской газетѣ самый важный и самый отвѣтственный, такъ какъ нигдѣ не возможны такія злоупотребленія, какъ здѣсь.

Какъ я замѣтилъ уже, лондонская биржа охотно отзывается на предложенія заключить иностранный заемъ; но она предпочитаетъ имѣть должниками страны молодыя или умирающія, легко подчиняющіяся полному контролю. Въ силу этого же, ничего такъ не страшится биржа, какъ народнаго движенія, во время котораго должникъ, т. е. отвѣтственное правительство выходитъ изъ подъ контроля. Лѣтъ тридцать тому назадъ, въ эпоху процвѣтанія промышленности въ Англии,—промышленный капиталъ бралъ верхъ надъ биржевымъ. Представителямъ перваго нужны были рынки съ свободнымъ покупателемъ, отвѣтственнымъ за свои поступки. Тогда Англія поддерживала освобожденіе маленькихъ народовъ изъ подъ ига. Биржа всегда была противъ революцій, которыя изгоняютъ отвѣтственныхъ должниковъ; ей выгоднѣе было правительство, которое заключаетъ займы, не спрашивая никого, ибо такое правительство даетъ какія угодно гарантіи. Но куда явились конкуренты на международныхъ рынкахъ, представители промышленнаго капитала въ Англии были сильнѣе представителей капитала биржевого. Итакъ, народныя движенія всегда пугали биржу, и она не жалѣла денегъ, чтобы подавить ихъ. Донъ Карлосъ въ Испаніи и донъ Мигуэль въ Португаліи вызвали не малыя колебанія лондонской биржи. Какъ Испанія, такъ и Португалія исконные должники лондонской биржи. Претенденты могли причинить серьезный крахъ. Въ силу этого, биржа дала Португаліи (подъ обезпеченіе виноградниковъ) 800,000 ф. ст. на изгнаніе донъ Мигуэля, а потомъ еще два милліона ф. ст. Испанія получила отъ биржи для борьбы съ дономъ Карлосомъ 4 мил. ф. ст. (въ видѣ займа, конечно). Кромѣ того, государственныя бумаги ея были искусственно подняты на биржѣ съ 16¹/₂ до 72. Послѣдняя операція успѣшно продолжалась до тѣхъ поръ, пока банки не увидали, что денежный рынокъ загроможденъ бумагами, не представляющими никакой цѣнности. Послѣдовала паника 1835 г. Испанскія бумаги въ одинъ день упали на 10%, а въ недѣлю—на 40%. Джонъ Фрэнсисъ такъ описываетъ эту панику. „Трудно передать то подавленное настроеніе, которое наблюдалось на биржѣ 21 мая (1835 г.), когда

приблизилось время прекращенія сдѣлокъ. Сотни людей, которые всегда добросовѣстно вели свои дѣла,—оказались не состоятельными. Заключившіе сдѣлки на срокъ не могли заплатить разницу. Несостоятельными оказались сотни благоразумныхъ людей, воздерживавшихся отъ биржевой игры, но повѣрившихъ, что повышение испанскихъ государственныхъ бумагъ естественное. Третъ банкировъ оказались несостоятельными. Всѣ иностранныя бумаги потеряли всякую цѣнность. Подъ нихъ не давали ссудъ“. Черезъ два года, вслѣдствіе возстанія въ Канадѣ, паника повторилась опять.

IV.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ началась „желѣзно-дорожная эпидемія“. Болѣе полувѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ случилось то счастливое для англійской промышленности событіе, о которомъ мнѣніе Юнга я привелъ въ началѣ статьи. Англійская промышленность тогда стояла почти въ зенитѣ. Европейскій и Азіатскій востокъ, Южная Америка и Австралія, побережья Средиземнаго моря и отчасти Сѣверная Америка—всѣ были промышленными вассалами Англии. Денегъ и тогда уже накопилось въ странѣ много. Для нихъ нужно было примѣненіе. Желѣзныя дороги явились какъ нельзя болѣе кстати. Въ январѣ 1845 г. народилось пятнадцать акціонерныхъ компаній для постройки желѣзныхъ дорогъ. Въ апрѣлѣ ихъ было уже 52. Началась тогда бѣшеная биржевая игра на квитанціи въ суммѣ, внесенной въ складочный капиталъ не только англійскихъ, но и иностранныхъ желѣзно-дорожныхъ предприятий. Игра далѣе захватила сталелитейные заводы. Газеты наполнились широкоувѣщательными рекламами. На тѣ предприятия, которыя сулили меньше 10%, публика не желала даже смотрѣть. Фондовая биржа уже не вмѣщала всѣхъ, желающихъ играть. Образовалось филиальное отдѣленіе ея, нѣчто въ родѣ нашей петербургской demuтовской биржи не доброй памяти, только въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Въ сентябрѣ существовало уже не менѣе 457 зарегистрированныхъ желѣзнодорожныхъ компаній, въ октябрѣ прибавилось еще 363. Въ ноябрѣ существовало уже 1035 компаній для сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Искони уже осенью въ Лондонѣ появляется „левъ сезона“, на которомъ сосредоточено общее вниманіе, о которомъ трубятъ всѣ газеты. Не львомъ, а „богомъ сезона“ и не только въ Лондонѣ, но и во всей Англии былъ тогда желѣзнодорожный король Гэдсонъ. Правительство само подпало подъ вліяніе строительной горячки. Одной изъ рѣчей Роберта Пиля, во всякомъ случаѣ, биржа тогда широко пользовалась, чтобы рекламировать желѣзныя дороги. Строительная горячка захватила и провинцію. Тѣ, которые помѣстили свои капиталы въ консоляхъ, спѣшили продать бумаги отверженнаго

государственного долга, чтобы накупить акций проектируемых желѣзныхъ дорогъ. Серьезная пресса предупреждала публику не зарываться; она доказывала, что помѣщеніе 50 мил. ф. ст. въ проектируемыхъ желѣзныхъ дорогахъ — гибельно отзовется на финансахъ страны. Но надъ этими статьями тогда смѣялись. Чтобы выстроить всѣ тѣ желѣзныя дороги, которыя проектировались тогда, потребовались бы сотни милліоновъ ф. ст. А новыя компаніи все еще нарождались. Много компаній, помѣщавшихъ рекламы, не были даже зарегистрированы; они не получали концессию отъ парламента и не добивались ея. Организаторы компаній думали не о томъ, чтобы построить линію, а о томъ, чтобы заполучить отъ публики задатокъ за акціи и премію. Года два тому назадъ въ *City Press* появились воспоминанія Эдуарда Калоо, который въ сороковыхъ годахъ состоялъ членомъ биржевого общества. „Со времени „мыльнаго пузыря Южныхъ морей“ никогда еще публику не охватывало такое типично выраженное помѣшательство; никогда еще на биржѣ такъ безумно не спекулировали, — какъ тогда, когда Джорджъ Стефенсонъ отправилъ свою „Ракету“ изъ Ливерпуля въ Манчестеръ“ *), — говоритъ упомянутый авторъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Англійская публика задумала покрыть Англію и Ирландію желѣзнодорожной сѣтью и дала примѣръ континенту. Вся страна желала принять участіе въ движеніи. Дамы закладывали брилліанты и мчались съ деньгами на биржу, чтобы подписаться на акціи. Желѣзнодорожная манія захватила всю страну, отъ сѣвера до крайняго юга, все населеніе — отъ лорда до мелкаго лавочника. Нѣтъ, кажется, такой бѣдной деревушки, заброшенной въ болотахъ или въ горахъ, отъ которой спекулянты не проектировали бы желѣзнодорожную линію къ ближайшему городу, а оттуда къ Лондону. Въ тѣ счастливые дни, чтобы составить желѣзнодорожную линію, требовалось не много: бойкій, развязный адвокатъ, чертежникъ, членъ парламента, карта Англии, компасъ, карандашъ и линейка. Вотъ и все. Адвокатъ составлялъ проспектъ, членъ парламента указывалъ деревушку въ своемъ округѣ, чертежникъ наносилъ на карту Англии проектируемую желѣзнодорожную линію. Затѣмъ документъ украшался именами двухъ-трехъ лордовъ, а если удавалось убѣдить, приглашали подписаться какого нибудь фабриканта, если только въ деревушкѣ имѣлся таковой. Все это были „временные директоры“. Затѣмъ „организаціонный комитетъ печаталъ акціи, не дожидаясь даже полученія конценсіи“. Биржа была наводнена безконечнымъ числомъ акцій. Удивительнѣе всего то, что онѣ находили покупателей. „Ликвидациія“ (т. е. тотъ день, когда на биржѣ происходитъ самая операція исполненія договора: продавецъ доставляетъ бумаги, покупатель — деньги, *Stichtag*) желѣзнодорожныхъ акцій

*) *Ракетой* назывался первый паровозъ, пущенный Стефенсономъ.

занимала прежде на биржѣ одинъ день. Въ 1845 г., во время горячки, дѣлъ было такъ много, что „ликвидациа“ затягивалась на цѣлую недѣлю. Манія создала особый типъ дѣльцовъ, получившихъ кличку „пыжиковъ“. „Пыжикъ“—подписывается на акціи, не имѣя ни малѣйшаго желанія (да и средствъ при томъ) купить ихъ. Онъ желаетъ лишь перепродать ихъ, чтобы воспользоваться преміей. Обращаюсь снова къ автору, котораго цитировалъ уже раньше. „Въ тѣ времена дѣла велись не совсѣмъ такъ, какъ теперь,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Эдуардъ Калоо.—Отъ подписавшагося на акціи не спрашивали задатка. Директоры считали вполне достаточнымъ, если къ нимъ за акціями обращались письменно Томъ, Дикъ или Гарри. Всякій, обладавшій приличнымъ почеркомъ, могъ на установленномъ бланкѣ обратиться къ директорамъ за акціями. И, дѣйствительно, писали сотни людей, какъ изъ Лондона, такъ и изъ провинціи. Многіе изъ нихъ не имѣли ни малѣйшаго намѣренія внести въ банкъ установленный задатокъ и крайне затруднились бы, если бы пришлось сдѣлать это. Такихъ прозвали „пыжиками“. Проспекты съ бланками выдавались всѣмъ бесплатно. „Пыжику“ оставалось лишь заполнить бланкъ, послать его по почтѣ и ждать. Конечно, необходимо было указать приличный адресъ (т. е. не въ трущобахъ); но и это затрудненіе устранялось при содѣйствіи пріятелей. Какъ только „пыжикъ“ получалъ извѣстіе, что за нимъ оставлены такіа-то акціи, онъ мчался въ Сити и перепродавалъ свои акціи“. „Пыжикъ“, собственно говоря, становился орудіемъ въ рукахъ биржевыхъ акулъ. Тогда анонимныхъ обществъ съ ограниченной отвѣтственностью, какъ теперь, не было еще. Каждый директоръ и каждый владѣлецъ акцій былъ отвѣтственъ всѣмъ своимъ имуществомъ за дѣла компаніи. Въ силу этого, биржевая акула не хотѣла пріобрѣтать акціи на свое имя. Акула давала „пыжику“ деньги на то, чтобы внести задатокъ и небольшой куртажъ, затѣмъ получала квитанцію въ суммѣ, внесенной въ складочный капиталъ, на которую могла спекулировать, не опасаясь имущественной отвѣтственности. „Пыжики“ были такъ полезны акуламъ, что выработалась даже специальная профессія „охотниковъ за пыжиками“. Они шныряли по городу и собирали „пыжиковъ“, чтобы погнать ихъ „табуномъ“ на биржу. Такъ продолжалось до ноября 1845 г., когда лихорадочная спекуляція закончилась неизбежнымъ крахомъ и неразрывно связанной съ нимъ паникой. Крахъ отразился на цѣнныхъ бумагахъ всѣхъ видовъ. Большая часть 1263 желѣзнодорожныхъ компаній лопнула. „Ужасъ охватилъ вкладчиковъ по всей странѣ,—говоритъ Калоо,—всего лишь недѣлю назадъ они смотрѣли на перевязанныя пачки цвѣтныхъ акцій, хранившіяся въ ихъ кассахъ, какъ на реальныя богатства. Вкладчики тогда ни за что не разстались бы со своими пачками, рассчитывая, что акціи будутъ все подниматься въ цѣнѣ. Теперь

всѣ желали продать свои бумаги возможно скорѣе, за какую угодно цѣну. Публика напомнила бѣшено мчащееся стадо, бѣгущее отъ степного пожара. Старались отдѣлаться, какъ отъ дутыхъ, ничего не стоящихъ акцій, такъ и отъ бумагъ вполне солидныхъ. Приобрѣтая послѣднія по ничтожной цѣнѣ,—биржевыя акулы нажились въ эти дни безумной паники гораздо больше, чѣмъ тогда, когда желѣзнодорожная манія свирѣпствовала во всей силѣ... Банкротствамъ, между тѣмъ, не было числа. Стукъ молота, возвѣщающій несостоятельнаго должника, раздавался на биржѣ безпрестанно. Директоры и тѣ пайщики, которые имѣли какое нибудь состояніе,—увидали, что имъ грозитъ опасность потерять все. Судебныя издержки были громадны, и адвокаты заботились, чтобы кто нибудь покрывъ ихъ. Одному „пыжику“ вручили бумагу, изъ которой онъ узналъ, что онъ долженъ заплатить громадную сумму. „Пыжикъ“ совершенно даже забылъ про то, что когда-то подписался на акціи. Онъ спокойно взялъ документъ, повертѣлъ его и сказалъ приставу:

— Послушайте, тутъ написано, что бумага стоитъ 5 ф. 6 ш. 8 п. Неужели вы думаете, что я когда нибудь заплачу эти деньги, не говоря уже про тѣ тысячи фунтовъ, о которыхъ говорится въ бумагѣ?

— О, мы это знаемъ. Мы послали вамъ бумагу только для того, чтобы поставить ее въ счетъ директорамъ.

Много декоративныхъ директоровъ, никогда не принимавшихъ участія въ дѣлахъ, вынуждены были бѣжать на континентъ съ крохами своего состоянія и здѣсь прожили нѣсколько лѣтъ“. Теперь, съ введеніемъ ограниченной отвѣтственности, выиграли много „promoters“, т. е. организаторы компаній; выиграли также директора, но за то проиграла публика. Я уже приводилъ какъ-то цифры, показывающія, сколько потеряла публика за восемь лѣтъ отъ того, что лопнули дутыя компаніи. Валовая сумма достигаетъ 403.976,737 ф. ст., т. е., болѣе четырехъ миллиардовъ рублей *). Нагляднымъ примѣромъ является также процессъ финансиста Гулли, о которомъ я писалъ подробно въ „Русскомъ Богатствѣ“ года три тому назадъ.

V.

Покуда биржа не занимала еще такого исключительнаго положенія, дѣлались иногда попытки ограничить ея дѣятельность и, во всякомъ случаѣ, сдѣлать „жало въ хвостъ скорпіоновъ“ не столь вреднымъ для публики. Въ 1875 г. назначена была большая коммиссія для изслѣдованія дѣятельности биржи. Въ составъ коммиссіи входили, между прочимъ, такія лица, которыя извѣстны

*) Подсчетъ сдѣланъ въ «Drifting» 1901, p. 155.

были своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ биржѣ. Таковы Эдуардъ Стэнгопъ, прославившійся впоследствии борьбой со „старымъ Джо“ (Чемберленомъ) и сэръ Чарльзъ Россель, впоследствии главный судья.

Года два тому назадъ, на банкетѣ у лорда-мэра, Россель выступилъ, къ великому негодованію Сити, обличителемъ биржевыхъ спекуляцій. Какъ представители заинтересованной стороны, опрошены были комиссіей цари биржи, верховные жрецы капища мамоны: Септимусъ Скоттъ, Генри Шериданъ, Натаніэль Ротшильдъ, баронъ Эрлангеръ и др. Главной задачей комиссіи было ограничить спекуляцію на нѣкоторые иностранные займы. Биржа реализовала займы для южно-американскихъ республикъ, какъ Гондурасъ, Санъ Доминго, Коста Рика и Парагвай, которыя никогда не платили по своимъ обязательствамъ. Деньги давала, конечно, публика, введенная въ заблужденіе биржей. Отчетъ комиссіи былъ очень неблагопріятенъ для биржи, но не грозилъ ничѣмъ серьезнымъ. Комиссія могла рекомендовать лишь рядъ желательныхъ мѣръ, которыя не были приняты во вниманіе биржей. Выяснилось, напр., что ничего не стоящія бумаги южно-американскихъ республикъ искусственно поднимаются на биржѣ во время заключенія займа.

Публика, видя, что бумаги идутъ съ преміей, набрасывалась на нихъ; но затѣмъ, конечно, сразу бумаги падали, и пріобрѣвшіе ихъ видѣли себя разоренными. Къ этому же времени относится вторженіе на лондонскую биржу „янки“, т. е. американскихъ бумагъ. Одно время „янки“ повели даже къ краху; но съ побѣдой партіи президента Макъ-Кинлея, вождя крупнаго капитала и трестовъ,—прочно утвердились на биржѣ. Теперь для сдѣлокъ на „янки“ имѣется на биржѣ специальный рынокъ, такой же, какъ для консолей, колоніальныхъ бумагъ и „кафровъ“, т. е. южно-африканскихъ бумагъ. „Кафры“ играютъ первую роль на биржѣ за послѣднія десять лѣтъ. Въ силу этого кафрскій рынокъ, или „кафрскій кругъ“ ведетъ наиболѣе живую дѣятельность.

Считаю тутъ уместнымъ сказать два слова объ обыкновенныхъ биржевыхъ операціяхъ. „Понижатели“ продаютъ часто бумаги, которыхъ у нихъ еще нѣтъ, и „повышатели“ пріобрѣтаютъ за деньги, которыхъ тоже еще пока нѣтъ. „Понижатель“, или Bear, „медвѣдь“, продающій бумаги, которыхъ у него покуда нѣтъ, называется „бланкистомъ“. Для ликвидаціи сдѣлки назначается на биржѣ особый день, называемый settling day (обыкновенно, къ концу мѣсяца). Къ settling day „понижатель“, Bear, долженъ доставить проданныя бумаги, а повышатель, Bull, т. е. быкъ—деньги. Невыполненіе сдѣлки грозитъ изгнаніемъ изъ капища Мамоны. Но возможны отсрочки. На этихъ отсрочкахъ ликвидаціоннаго дня основана азартная биржевая игра. Возьму наглядные примѣры, чтобы дать читателю представленіе объ этой игрѣ.

„Понижатель“, „медвѣдь“ (Bear) продалъ in blanco (т. е. бумаги, которыхъ у него нѣтъ) 500 „кафровъ“ по 10 ф. ст. за акцію. Срокъ—черезъ мѣсяць. „Медвѣдь“ рассчитываетъ, что черезъ мѣсяць буры поколотятъ англичанъ, и „кафры“ падутъ въ цѣнѣ, такъ что, вмѣсто 10 ф. за акцію, онъ купитъ ихъ по 9 ф. Если расчетъ оправдается, „медвѣдь“ положитъ въ карманъ разницу, т. е. 500 ф. Но вотъ пришелъ ликвидаціонный день. Буры англичанъ не поколотили; наоборотъ, изъ Юж. Африки приходятъ все утѣшительныя вѣсти, такъ что „кафры“ поднялись въ цѣнѣ и, вмѣсто 10 ф., стоятъ 11. Если бы „медвѣдь“ выполнилъ сдѣлку, онъ бы потерялъ по фунту на акцію, т. е. 500 ф. Между тѣмъ, по расчетамъ „медвѣдя“, „кафры“ непременно должны пасть въ цѣнѣ, такъ какъ понижатель скептически относится къ оффиціальнымъ телеграммамъ и думаетъ, что дѣла англичанъ плохи. Нужно, значитъ, выждать время, покуда буры успѣютъ поколотить англичанъ. И вотъ „медвѣдь“ устраиваетъ *депортъ*: онъ покупаетъ у „быка“ (Bull), т. е. у повышателя, пятьсотъ „кафровъ“, но заключаетъ условіе продать ему черезъ мѣсяць столько же „кафровъ“. Покупка совершается по курсу дня, продать же по условленной цѣнѣ. Разница между двумя курсами и будетъ *депортъ*. Иногда „быки“ (повышатели) устраиваютъ синдикатъ и скупаютъ всѣхъ „кафровъ“, имѣющихся на биржѣ. Это, конечно, тогда, когда „медвѣди“ обязались доставить къ ликвидаціонному дню именно эти акціи. Такая операція называется „угломъ“ (corner).

„Медвѣди“, загнанные въ уголь, должны или покупать „кафровъ“ по высокой цѣнѣ, когда приходится выполнить обязательства, или при помощи того же синдиката устроить крайне невыгодный для себя *депортъ*. „Уголь“ не разъ практиковался на биржѣ и не разъ приводилъ къ колоссальнымъ крахамъ.

Теперь посмотримъ, что такое еще одна операція—„репортъ“.

„Быкъ“, т. е. повышатель, покупаетъ пятьсотъ „янки“ (т. е. американскихъ бумагъ) по 10 ф. каждую. Онъ рассчитываетъ, что къ *settling day* (къ сроку выполненія сдѣлки) „янки“ *повысятся* въ цѣнѣ и будутъ стоять по 11 ф. Приходитъ срокъ. „Янки“ не только не повысились, но упали: въ Пенсильваніи началась громадная стачка, которая грозитъ захватить и другіе штаты. „Быку“ нѣтъ расчета принять бумаги теперь, тѣмъ болѣе, что, по его расчетамъ, стачка должна непременно кончиться, и „янки“ пойдутъ въ гору. „Быкъ“ устраиваетъ отсрочку выполненія сдѣлки (*пролонгацию* ея), такъ называемый,—*репортъ*.

Повышатель продаетъ бумаги, но съ условіемъ продать ихъ ему обратно черезъ мѣсяць. Продажа совершается по курсу дня. Покупка черезъ мѣсяць опредѣляется по условному курсу. Разница между курсами, собственно говоря, и будетъ *репортъ*.

Corner устраивался на биржѣ много разъ. Въ 1889 г., напр., создалась „компанія Уорнера“ для эксплуатаціи патентованнаго

лѣкарства. Подобнымъ лѣкарствамъ, главнымъ образомъ, въ видѣ пилюль, въ Англіи нѣтъ числа. Отличительный признакъ ихъ— безчисленное количество болѣзней, излѣчиваемыхъ ими (по увѣренію рекламъ). Однѣ и тѣ же пилюли излѣчиваютъ падагру, зубную боль, мигрень, чахотку, разстройство желудка, блѣдную немочь, каменную болѣзнь, родимчикъ, нефритъ, ячмень, косноязычіе, бронхитъ, кожные болѣзни. На первомъ планѣ, конечно, значится, что пилюли „помогаютъ отъ обилія желчи“. Кажется, ни одна болѣзнь не развита такъ въ Англіи, какъ страданія печени. Самое главное, о чемъ заботятся изобрѣтатели, это, повидимому, придумать названіе для пилюль, которое било бы гвоздемъ въ голову. Нѣкоторые изобрѣтатели нажили, даже для Англіи, колоссальныя состоянія. Компанія Уорнера ввела новыя пилюли „Вѣрное излѣченіе“. Отъ какой болѣзни? спросите вы.—Отъ *всѣхъ*. Дѣятельность компаніи, на взглядъ обыкновенныхъ людей, была колоссальнымъ мошенничествомъ съ перваго момента до послѣдняго. На биржу было выпущено 35 тысячъ акцій, которыя сейчасъ же разобрали, какъ выяснилось впоследствии, подставныя лица. Затѣмъ началось искусственное подниманіе цѣнъ акцій и рекламированіе ихъ въ нѣкоторыхъ газетахъ. Въ мартѣ 1900 г. директоръ на собраніи „акціонеровъ“ заявилъ, что требованія на акціи въ пять разъ больше превышаютъ выпущенное число ихъ. Заявлено было, что выдается 15% дивиденда.

При сдѣлкахъ „депортъ“ равнялся 10¹/₂%. „Быки“ скупили акціи и устроили „уголъ“ (corner). Черезъ пятнадцать дней акціи поднялись на 30%, еще черезъ двѣ недѣли—на 35%, а черезъ два дня—на 50%. Затѣмъ „быки“ продали акціи, и онѣ сразу упали почти до нуля. Дѣло дошло до суда, который, высказавъ соболѣзнованіе обманутымъ,—заявилъ, однако, что не можетъ усмотрѣть мошенничества. Тѣмъ дѣло и закончилось.

Однимъ изъ самыхъ серьезныхъ краховъ послѣдняго времени является крушеніе банка Беринга въ 1890 г. Крахъ отозвался на финансахъ всей страны и показалъ, какъ, въ сущности, сравнительно легко поставить англійскій банкъ въ критическое положеніе при всякомъ отливѣ золота изъ крупнаго банка (вслѣдствіе требованія обратно вкладовъ). Банкъ Беринга существуетъ съ 1793 г. и считался самымъ солиднымъ и осторожнымъ въ Англіи. Уже въ началѣ XIX вѣка этотъ банкъ имѣлъ крупное международное значеніе. Герцогъ Ришелье („одесскій“) говорилъ, что въ Европѣ шесть великихъ державъ: Англія, Франція, Россія, Австрія, Пруссія и „Братья Берингъ“. Банкъ ступилъ на зыбучую почву Аргентинскихъ финансовъ, и 15 ноября 1890 г. старая фирма пала. Англійскій банкъ очутился въ критическомъ положеніи вслѣдствіе малаго запаса золота. Сдѣланы были послѣдніе займы во французскомъ и русскомъ государственныхъ банкахъ, и фирму спасли. На биржѣ бумаги отвержденнаго госу-

дарственного долга (консоли) сразу упали до $93\frac{3}{4}$ (вмѣсто 112). Много банковъ лопнуло; но „медвѣди“ сильно играли на пониженіе. Для нихъ опасность, въ которой находилось государство,— была золотымъ дождемъ.

VI.

Теперь нѣсколько словъ о „кафрахъ“. Южно-африканскія бумаги явились на биржѣ въ восьмидесятихъ годахъ. Вначалѣ то были акціи алмазныхъ росыпей въ Кимберлеѣ. Компаній было много; затѣмъ мало по малу выдвинулись двѣ компаніи, которыя стали душить меньшія предпріятія. Черезъ годъ остались лишь два борца: Сесиль Родсъ и Барнай Барнато. Каждый изъ нихъ стоялъ во главѣ могущественной компаніи. Соперники пытались довести другъ друга до банкротства. Театромъ войны была—лондонская биржа, „кафрскій кругъ“, который и приобрѣлъ съ тѣхъ поръ первенствующее значеніе. Соперники то устраивали „уголъ“, то сразу пускали въ продажу скупленные предварительно акціи противника, чтобы создать панику и низвести цѣнность бумагъ. Биржа до сихъ поръ рассказываетъ съ благоговѣніемъ про этотъ историческій бой. Но соперники не могли одолѣть другъ друга, и, по предложенію Сесила Родса, заключенъ былъ миръ: обѣ компаніи соединились. Затѣмъ число бумагъ, обращающихся въ „кафрскомъ кругѣ“, увеличилось дутыми акціями золотыхъ приисковъ въ странѣ Матабеловъ и дѣйствительными акціями „ранда“ въ Йоганисбургѣ. „Кафры“ быстро плодились: непрерывно возникали компаніи для эксплуатаціи золота въ Родезіи. О характерѣ этихъ компаній мнѣ уже пришлось писать не разъ въ „Русскомъ Богатствѣ“. Акціи выпускались, когда имѣлось лишь въ виду найти золото. Этимъ обусловливается страшное колебаніе „кафровъ“, съ одной стороны, и рядъ мятежей инородцевъ—съ другой. Организаторамъ компаній нужно было найти непременно то золото, на которое шла уже игра на лондонской биржѣ.

Фашода вызвала въ 1899 г. страхъ и трепетъ на биржѣ. Осложненіе явилось неожиданностью для капища. Многіе думали, что война близка дѣйствительно. Трансваальскую войну биржа считаетъ своею собственною и не только не трепетала, но, наоборотъ, ликовала, когда военныя дѣйствія начались. Это—первая большая война, въ которую королямъ биржи, заправляющимъ „кафрскимъ кругомъ“—удалось втянуть страну. Набѣгъ Джемсона, первый предвозвѣстникъ войны, былъ въ значительной степени выработанъ на биржѣ. „У насъ имѣется много фактовъ, доказывающихъ, что главныя фирмы знали о подготовляющихся событіяхъ“,—говоритъ нашъ восторженный поклонникъ биржи *).

*) The Story etc, p. 339.

Два мѣсяца послѣ набѣга биржа устроила восторженный приемъ нѣсколькимъ солдатамъ, участвовавшимъ въ набѣгѣ. „Быки“ и „медвѣди“ превратились въ вьючныхъ животныхъ и протаскали на плечахъ по всѣмъ заламъ биржи товарищей Джемсона. Почти четыре года пришлось потомъ ждать биржѣ выполнения завѣтнаго желанія. Пришлось основать нѣсколько газетъ (*Daily Mail*, *Evening News* и др.), которыя популяризировали бы войну, пришлось скупить прессу въ Южной Африкѣ и командировать туда своихъ корреспондентовъ (Монейпени и др.), которые сообщали бы въ Англию о страданіяхъ уитлэндеровъ. Наконецъ, желанное осуществилось. „Война эта особенно связана съ биржей,—говоритъ съ похвальбой Чарльзъ Дюгюидъ,—она была начата ради уитлэндеровъ, изъ которыхъ многіе непосредственно заинтересованы въ приискахъ. Война породила много демонстрацій на биржѣ и вызвала взрывъ патріотизма на ней“ *). Правда, та же война вызвала страшное увеличеніе національнаго долга, потому что патріотическая биржа категорически высказалась противъ повышенія подоходнаго налога и за то, чтобы издержки были покрыты путемъ займа; правда, въ связи съ увеличеніемъ государственнаго долга, консоли упали на 20%; правда, биржа пользовалась каждымъ поражениемъ или побѣдой, чтобы поднять искусственно цѣны „кафрскихъ“ бумагъ,—но нашъ историкъ отъняетъ лояльность биржи во все время. Одиннадцатаго октября 1899 г., когда началась война, биржа устроила большую патріотическую демонстрацію. Началась она расправой съ Крюгеромъ. Его имя „простучали“ (т. е. объявили несостоятельнымъ должникомъ), затѣмъ чучело президента повѣсили надъ порогомъ биржи. Послѣ этого биржа пропѣла національный гимнъ и „Вотъ солдаты королевы“. „Почему-то на биржѣ пришли къ ошибочному заключенію, что одна изъ фирмъ отказалась сохранить мѣсто для двухъ своихъ служащихъ, отправлявшихся на войну,—говоритъ нашъ историкъ. Извѣстіе объ этомъ появилось въ *Daily Mail*. Замѣтку вырѣзали и помѣстили на стѣнѣ на видномъ мѣстѣ. Биржа закипѣла негодованіемъ. Въ полдень пришелъ одинъ изъ представителей фирмы. На него набросилась озлобленная толпа, окружила со всѣхъ сторонъ, стала свистать, улюлюкать и толкать. Тутъ подоспѣли маклеры и продавцы изъ „Кафрскаго круга“; они пустили въ ходъ кулаки. Жертва, говорятъ, нѣсколько разъ падала въ обморокъ; но когда она открывала глаза,—ее снова принимались бить. Дѣльца потащили въ „Карфскій кругъ“ и мяли тамъ. Начали почему-то бить другихъ. Наконецъ, толпа выперла на улицу. Здѣсь жертву отняли и усадили въ кэбъ.—Когда маклеры и продавцы возвратились снова въ зданіе, и когда страсти остыли,—продолжаетъ нашъ историкъ,—вспомнили, что никто такъ много не по-

*) The Story of the Stock Exchange, p. 382.

жертвовалъ въ пользу раненыхъ, какъ побитый“. „Хаки“ стало на долгое время любимымъ цвѣтомъ биржи. Не только биржевики облачились въ желтые галстуки и панталоны, но даже записныя книжки, въ которыя вносились результаты игры на пониженіе и повышеніе, соотвѣтственно дурнымъ или хорошимъ извѣстіямъ съ театра войны,—и эти книжки были переплетены въ „настоящее хаки“ (т. е. въ матерію, изъ которой шьются солдатскіе мундиры). Въ особенности патріотизмъ биржи проявился во время „мэфекинговъ“, т. е. въ дни полученія извѣстія объ освобожденіи трехъ осажденныхъ городовъ. До того пустили въ ходъ фальшивую телеграмму объ освобожденіи Ледисмита. Всѣ „кафрскія“ бумаги сильно поднялись. Спекулянты, пустившіе въ ходъ телеграмму, сильно нажились, затѣмъ бумаги пали еще ниже, чѣмъ стояли раньше. Любопытно, что дѣйствительное освобожденіе Ледисмита совершенно не отразилось на кафрскихъ бумагахъ. Въ свое время я описывалъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ одну изъ патріотическихъ сатурналій биржи предъ дворцомъ лорда-мэра. Я описывалъ толстыхъ джентельменовъ, которые, сдвинувъ цилиндръ на ухо, подбравъ полы черныхъ сюртуковъ, отплясывали на площади пиррическіе танцы предъ дѣвицами въ шляпкахъ съ красными перьями. Я говорилъ уже про другихъ джентельменовъ, тоже въ цилиндрахъ и черныхъ сюртукахъ, кружившихся въ хороводѣ вокругъ фонарнаго столба, на которомъ повѣшенъ былъ Крюгеръ en effigie.

Теперь я возьму изъ книги нашего историка нѣсколько строкъ, дополняющихъ картину. „На биржѣ сцена была торжественная. „Рынки“ распѣвали „Rule Britannia“ и „God save the Queen“. Потомъ всѣ обезумѣли отъ восторга. Пили за Буллера, за Уайта, за колониальныя и отечественныя войска. „Рынки“ забавлялись, какъ дѣти. Дѣлцы гарцовали на спинахъ другъ у друга, распѣвая „Вотъ солдаты королевы“; затѣмъ кавалькада изъ шестнадцати подобныхъ всадниковъ, предшествуемая „быками“ и „медвѣдями“, дувшими, что было силъ, въ жестяныя трубы,—обѣхала всю биржу. Передъ биржей весь день продѣлывались различныя штуки... На другой день на биржѣ было не мало разсказовъ. Одинъ проснулся въ чужомъ, совершенно незнакомомъ домѣ и не зналъ, какъ попалъ туда. Другой проснулся утромъ въ развалившейся будкѣ, на окраинѣ города, увѣренный, что спитъ въ своей спальнѣ. Къ великому негодованію, онъ увидѣлъ, что въ будкѣ еще кто-то, и сталъ кричать: „какъ вы смѣли забраться въ мой домъ“! Лишь потомъ онъ убѣдился, что другой—его товарищъ по биржѣ. Оба рѣшительно не помнили, какъ очутились въ будкѣ. Третій попалъ къ себѣ, но въ карманахъ нашелъ неизвѣстно какимъ образомъ угодившіе туда дамскіе чулки, дѣтскую погремушку, клокъ волосъ, очевидно выдранный изъ чьей-то бороды, суповую разливательную ложку и шесть билетовъ

перваго класса подземной желѣзной дороги“ *). „Веселье по поводу освобожденія Мэфекинга было еще большее“,—прибавляетъ авторъ. Интересно, сколько клоковъ волосъ и дамскихъ чулокъ нашли на другой день патріоты биржи у себя въ карманахъ! Я могу привести здѣсь первую строфу героической поэмы, сочиненной по поводу знаменательнаго событія однимъ изъ членовъ биржевой корпораціи. „О, Лондонъ, отложи на сегодня перо, линейку и счетную книгу. Заплетай вѣнки для побѣдителя и пой, ликуя: „о-о-ла-ла-ла! Забудь, о, Лондонъ, твои торговыя дѣла. Распространяй всюду радостную вѣсть про то, что Мэфекингъ освобожденъ“. Всего лишь въ іюлѣ этого года, когда военный жаръ въ странѣ уже сильно остылъ, биржа принимала видное участіе въ большой патріотической демонстраціи, устроенной по инициативѣ лорда-мэра и корпорацій Сити — въ залѣ гильдій. Опять „быки“ и „медвѣди“ подъ предводительствомъ знаменитаго биржевого патріота Кларка (по-просту, Чарли) прошли процессіей съ музыкой и флагами. Но демонстрація ограничилась лишь этимъ, да еще патріотическимъ пѣніемъ и патріотическими восклицаніями: „вѣшать измѣнниковъ“! „долой про-буровъ“ и т. д. Пиррическіе танцы, патріотическіе тосты, ведущіе къ ночевкамъ въ развалившейся будкѣ и пр. — все это, повидимому, отошло въ область прошлаго. Биржа, какъ мы видѣли, много кричала о своемъ патріотизмѣ. Она была даже всѣхъ тѣхъ, которые недостаточно пылко проявляли любовь къ отечеству, брала штурмомъ митинги про-буровъ и пр. Особенно много трубилъ о своемъ патріотизмѣ „Кафрскій кругъ“. Короли его были въ Кимберлеѣ во время осады. Этотъ фактъ особенно подчеркивался и ими, и пѣвцами биржи. Мы видѣли, что биржа пользовалась всякимъ моментомъ (и сочиняла даже ихъ), чтобы спекулировать на государственныя бумаги къ крайней невыгодѣ страны. Недавно выяснился еще слѣдующій любопытный фактъ. Въ засѣданіи парламента 25 іюля 1901 г. одинъ изъ ирландскихъ депутатовъ сдѣлалъ запросъ по поводу счета въ триста тысячъ ф. ст., представленнаго правительству Сесилемъ Родсомъ, представителемъ алмазной компаніи „Дебирсъ“. Счетъ долженъ былъ покрыть издержки, сдѣланныя компаніей во время осады Кимберлея, во время которой, какъ извѣстно, Сесиль Родсъ парадировалъ, какъ сверхпатріотъ. Послѣ снятія осады онъ похвалялся, что алмазныя россыпи охранялись не англійскими солдатами, а добровольцами, собранными компаніей. Въ счетѣ имѣются такія рубрики:

1) За вѣнокъ, возложенный на могилу убитаго офицера	19 ф. 10 ш.

*) The Story, etc., p. 396—97.

- 2) Наемъ кэба для газетныхъ корреспондентовъ,
находящихся при компаниі 70 ф. — ш.
- 3) Туземнымъ гонцамъ, доставлявшимъ С. Родсу
въ Кимберлей газеты изъ Моддерривера . 788 „ — „
- 4) За доставку письма С. Родса въ Мэффе-
кингъ 25 „ — „
- и т. д.

Компанія поставила въ счетъ государству доставленіе газетъ С. Родсу и расходы по его частной перепискѣ. Газетные корреспонденты, которыхъ возили въ кэбѣ, это сотрудники „*Daily Mail*“ и „*Globe*“, воспѣвавшіе гражданскіе подвиги колоссальной биржевой компаніи. Счетъ возвратили обратно компаніи съ вѣжливымъ намекомъ, что нужно знать и совѣсть. Компанія уменьшила требованіе до 54,641 ф. 4 ш. 9 пенсовъ. По поводу этого счета, консервативный журналъ „*Spectator*“ говоритъ: „Сесиль Родсъ ввелъ тотъ деморализующій духъ наживы, основанной на имперіализмѣ, который, между прочимъ, создалъ великія преступленія въ странѣ матабеловъ и вызвалъ возстаніе ихъ *).“

VII.

Прибавлю еще нѣсколько штриховъ, рисующихъ нравы касты биржевыхъ дѣятелей. Биржа, революціонизирующая постоянно денежный рынокъ, — крайне консервативна. Въ 1893 г. она устроила большую демонстрацію противъ гомъ-руля. Охотно пользующіеся всякимъ кризисомъ своей страны требовали единства ея. Въ іюлѣ 1901 г. биржа на другомъ большомъ митингѣ требовала многочисленныхъ казней въ Южной Африкѣ. Но это говоритъ еще о грубости нравовъ биржи. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ классъ культурныхъ дикарей не имѣетъ столько представителей, какъ на биржѣ. Я обращаюсь за иллюстраціями къ восторженному историку биржи. Онъ приводитъ нѣсколько „шутокъ на дѣлѣ“, *practical jokes*, которыя въ ходу на биржѣ. Но прежде всего, что такое *practical jokes*? Пошутить надъ чѣмъ-нибудь—это будетъ просто „joke“. Сказать кому-нибудь, что его требуютъ по дѣлу въ комнату, и тамъ вылить ему на голову неожиданно ведро воды—это будетъ „шутка на дѣлѣ“, *practical joke*. Въ число „шутокъ на дѣлѣ“ входятъ подложныя телеграммы съ извѣстіемъ о смерти дѣтей или жены, невѣрное извѣстіе о разореніи и т. д. Мы, жители континента, порой рѣшительно не понимаемъ пристрастія къ „*practical jokes*“, которое проявляютъ почтенные джентльмены, уже полвѣка вышедшіе изъ того возраста, когда шалости (не въ такой степени грубые) понятны. Когда „*practical joke*“

*) «*Spectator*», 27 іюля 1901 г.

заканчивается увѣщемъ того, надъ кѣмъ „пошутили“, — это называется „horse play“. Тогда она осуждается; но все же на нее ссылаются на судѣ, какъ на смягчающую вину обстоятельство. „Horse play“—достояніе подонковъ, такъ называемаго, полупреступнаго класса. „Культурные дикари“ въ цилиндрахъ и черныхъ сюртукахъ предпочитаютъ „шутки на дѣлѣ“. „Удачнымъ“ шуткамъ пресса культурныхъ дикарей посвящаетъ передовыя статьи. И нигдѣ такъ не процвѣтаютъ practical jokes, какъ на биржѣ.

„Обычная шутка это—обсыпать кого-нибудь мукой или отрубями въ то время, какъ онъ стоитъ возлѣ доски, на которой выставлены цѣны. Новичку подсовываютъ акціи не существующихъ компаній, напр., общества для эксплуатаціи шлагбаумовъ и заставъ въ Китаѣ, а не то серьезно предлагаютъ составить компанію для соединенія желѣзной дорогой океана съ небомъ. Въ видѣ „practical joke“ доставляются ложныя телеграммы (мы видѣли, что это дѣлается иногда и не „въ шутку“), а то даже отпечатываются фальшивые проспекты. Пускаются въ ходъ „корейскія консоли“, акціи обществъ: „покупки оливковаго масла въ Греціи“, „скупки вторыхъ закладныхъ“ и пр. *). Даже нашъ историкъ, считающій эти шутки очень остроумными, находитъ, что иногда онѣ заходили нѣсколько далеко. Въ одномъ случаѣ, покупатель, который былъ увѣренъ, что приобрѣлъ состояніе, — сошелъ съ ума, когда убѣдился, что находящіяся въ его рукахъ бумаги — не имѣютъ никакой цѣны. Покупатель думалъ, что сдѣлался жертвой мошенничества, тѣмъ болѣе, что на биржѣ иногда трудно провести демаркаціонную линію между законнымъ дѣломъ и обманомъ. Другой, надъ которымъ сыграли „шутку на дѣлѣ“, считая себя разореннымъ, покончилъ самоубійствомъ. Иногда „шутники“ не прочь извлечь и денежную выгоду изъ „practical joke“. Такъ, „въ шутку“ заглядываютъ черезъ плечо въ чужія записныя книжки, чтобы узнать число бумагъ, которыя желаютъ сбыть или же приобрести. Результатомъ пользуются для чисто практическихъ цѣлей. Бываетъ, что „шутниковъ“ перехитряютъ довольно чувствительно. Одинъ изъ дѣльцовъ убѣдился, что по ошибкѣ приобрѣлъ 1,500 нежелательныхъ акцій. Онъ тогда переписалъ ихъ въ другую рубрику, въ отдѣлъ „нужно купить“, затѣмъ нечаянно будто раскрылъ записную книжку, чѣмъ успѣшили воспользоваться „шутники“. Изъ записи они поняли, что дѣльцу нужны 1,500 акцій и стали повышать цѣны на эти бумаги. Дѣлецъ тогда изъ своей ошибки извлекъ выгоду въ нѣсколько сотъ ф. ст.

„Practical joke“ считается также поджечь развернутую газету, въ которую углубился дѣлецъ. Англійскія газеты — очень боль-

*) The Story of the Stock Exchange, p. 170.

шія, бумага ихъ приготовлена изъ древесной пасты, въ силу этого сразу вспыхиваетъ громадное пламя, которое не только пугаетъ читающаго, но можетъ опалить ему усы и бакенбарды. Часто биржевики подкладываютъ другъ другу подъ стулъ большой лѣсной орѣхъ, начиненный порохомъ, съ горящимъ трупомъ. Шутка практикуется надъ людьми нервными, озабоченными дѣлами. Недавно такую шутку устроили надъ биржевикомъ Гарри Брауномъ. Онъ пришелъ въ ярость, крикнулъ, что отомститъ, и удалился. Черезъ полчаса онъ явился на биржу съ громаднымъ кокосовымъ орѣхомъ, къ которому былъ прилаженъ тлѣющій фитиль и положилъ все это на паркетъ. Это уже была цѣлая бомба. Шутники въ испугѣ разбѣжались во всѣ стороны; но фитиль догорѣлъ, а взрыва не послѣдовало. Въ кокосовомъ орѣхѣ ничего, кромѣ молока, не было. „Очень часто на биржѣ кому-нибудь въ лицо невѣдомо откуда летитъ гнилой апельсинъ, — говоритъ нашъ историкъ, — а то подхватятъ чей-нибудь цилиндръ и начнутъ его подбрасывать ногами, какъ въ игрѣ въ *футболъ*; любятъ также привязывать другъ другу къ заднимъ пуговицамъ коробки изъ-подъ карлсбадской соли и пр.“ *). Такъ забавляются и шалятъ дѣти, изъ которыхъ нѣкоторымъ уже подъ шестьдесятъ.

Еще болѣе грубы нравы „служителей купона“, т. е. безчисленныхъ клэрковъ, работающихъ на биржѣ. Въ то время, какъ „жрецы“ забавляются наверху, клэрки „шутятъ“ въ нижнемъ этажѣ, въ громадной залѣ, гдѣ работаетъ человекъ пятьсотъ. „Шумъ, гамъ и крикъ, стоящій тамъ, — не поддаются описанію, — говоритъ нашъ историкъ **). — Конечно, клэрки также любятъ „шутки на дѣлѣ“, какъ и ихъ предприниматели. Пусть кто-нибудь съ нѣсколько странной наружностью (напр., съ длинными волосами или съ большой бородой) войдетъ въ залъ. Поднимется невѣроятный гвалтъ. Всѣ клэрки вскочатъ на столы и начнутъ лаять, выть и реветъ. Минуть десять всѣ будутъ голосить: „уберите его“!

Эти ягу въ цилиндрахъ и черныхъ сюртукахъ составляли центръ арміи, бравшей штурмомъ митинги „про-буровъ“. Объ идеалахъ „жрецовъ“ капища Мамоны можно судить по ихъ прессѣ, большой и малой („*Times*“, „*Daily Mail*“, „*Daily Express*“ и „*Financial News*“); но объ этомъ я уже писалъ.

Діонео.

*) The Story, etc. 173.

***) The Story, etc., p. 307.

НОВЫЯ КНИГИ.

В. А. Жуковскій. Сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Изданіе десятое, исправленное и дополненное подъ ред. **П. А. Ефремова.**

Это однотомное изданіе, выпущенное книгопродавцемъ Глазуновымъ по весьма доступной цѣнѣ (2 р. 25 к.), конечно, встрѣчено будетъ въ литературѣ и обществѣ съ живѣйшею радостью. Черезъ годъ мы будемъ справлять 50-лѣтнюю годовщину смерти Жуковскаго; согласно русскимъ законамъ о печати, только тогда сочиненія его станутъ всенародной собственностью, однако и тогда врядъ ли будетъ многимъ дешевле подобная книга-левіаѳанъ (въ ней 1000 страницъ, по два убористыхъ столбца въ каждой).

Судьба сочиненій этого замѣчательнаго поэта особенно ясно показываетъ, сколько теряютъ и общество, и сами писатели отъ чрезмѣрно долгаго срока литературной собственности, установленнаго нашимъ закономъ. Дѣло въ томъ, что литературное вліяніе и значеніе Жуковскаго относятся ко второму десятилѣтію прошлаго вѣка; съ появленіемъ Пушкина, въ продолженіе слѣдующихъ 30 лѣтъ (Жуковскій умеръ лишь въ 1842 году; онъ прожилъ 70 лѣтъ), онъ уже только допѣвалъ и варьировалъ на разные лады свои юношескіе мотивы, стоя совершенно въ сторонѣ отъ новаго литературнаго движенія. Раздался и безвременно смолкъ протестующій голосъ Лермонтова; Кольцовъ пропѣлъ свои чудныя народныя пѣсни; слышались скорбныя стоны музы мести и печали... Жуковскій все жилъ, продолжая воспѣвать неземныхъ дѣвъ, блѣднолицыхъ рыцарей, загробныя свиданія, привидѣнія, вѣдьмы, чертей... Естественно, что многія изъ этихъ пѣснопѣній казались устарѣлыми даже еще при жизни поэта, вызывая лишь удивленіе къ тѣмъ простодушнымъ временамъ, когда какой-нибудь „Громобой“ могъ считаться шедевромъ искусства, будить восторги, исторгать слезы и создавать подражанія, подражанія безъ конца. Дороговизна сочиненій Жуковскаго, дѣлавшая ихъ доступными лишь богатымъ людямъ, довершила остальное, и имя пѣвца „Эоловой арфы“ постепенно окружилось забвеніемъ; съ дѣйствительно слабыхъ вещей пренебрежительное отношеніе перенеслось мало-по-малу и на такія, которыя заслуживаютъ вѣчной славы и удивленія. Про современное намъ поколѣніе, кажется, безъ преувеличенія можно сказать, что оно совсѣмъ почти не знаетъ Жуковскаго (если не считать одного-двухъ десятковъ образцовъ, приводимыхъ въ школьныхъ хрестоматіяхъ),

